

М.П. Голованова (Москва)

**«ЗНАМЕНА ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА»
ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО
КРЕМЛЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ И ДОКУМЕНТАХ
(К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ)**

В СОБРАНИИ МУЗЕЕВ Московского Кремля хранятся три знамени, которые традиция связывает с именем покорителя Сибири, атамана вольных казаков Ермаком. Они выполнены из холста в традиционной для русских знамен технике интарсии (вшивной технике) и имеют прямоугольную форму.

В центральной части одного из знамен¹ помещено иконографическое изображение, над которым на кайме расположена надпись: «ГРОЗНЫЙ ВОЕВОДА АХИСТРАТИГЪ МИХАИЛЬ» (рис. 1). Поясним, что надпись не является названием сюжета. Полотнище знамени однослойное; центральная часть и кайма смонтированы таким образом, что надпись располагается над оборотной (~~изнаночной~~) стороной изображения; на обороте, над лицевой стороной изображения, надпись не читается. Сюжет в средней части – «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину» – представляет один из популярных в средневековой иконографии эпизодов из ветхозаветной книги Иисуса Навина (Нав. 5:13–16), связанный с темой исхода из Египта и обретением Земли обетованной. На фоне города Иерихона представлены посланник Бога, глава небесного воинства, покровитель земного войска Архистратиг Михаил в виде воина с обнаженным мечом и коленопреклоненный Иисус Навин, мудрый и отважный военачальник, герой и вождь, образец для воинов и их предводителей. Иисус Навин снимает свой сапог, выражая уважение и благоговение перед святой землей и перед явлением Архистратига, который показал готовность небесных сил помогать в предсто-

ящей борьбе с Ханаанскими народами и удостоверил, что Иисус Навин привел израильтян на святую землю (рис. 2). Взятие Иерихона стало делом промысла Божия: город был взят без боя, чудом пали его стены. Падение Иерихона поразило обитателей



Рис. 1



Рис. 2

Палестины: слава о военных успехах Иисуса Навина «носилась по всей земле», повергая в страх ее обитателей и вдохновляя израильтян. После этого под руководством Иисуса Навина народ израильский одерживал почти постоянные победы. Навин полностью выполнил свою миссию и расселил двенадцать колен израилевых в Земле обетованной.

На двух других знаменах помещены обращенные друг к другу лев и единорог, стоящие на задних лапах (восстающие, «готовые к бою»). На одном из знамен² они помещены в фигурное обрамление, а широкая кайма из красной крашенины, сохранившаяся не полностью³, дополнена декоративными элементами из неокрашенного холста: «репьями» в виде цветов с восьмью лепест-

ками; кругом со стилизованным изображением солнца в виде человеческого лица; четырехконечным фигурным крестом, составленным из четырех геральдических лилий (рис. 3). Центральная часть другого знамени⁴ обрамлена бордюром из зубчатых городков; с трех сторон пришта широкая кайма из холста серо-коричневатого цвета с вьющимися орнаментальными мотивами и стилизованными розетками («репьями») в углах; со стороны древка (?) – вставка из красной крашенины (рис. 4).

В связи с отсутствием к настоящему времени специальных исследований, посвященных этим немаловажным памятникам русской истории и культуры, обратимся к разбору историографии и анализу имеющихся источников. Существенной частью исследования нам представляется также рассмотрение обстоятельств складывания имеющейся атрибуции.

Реликвии были неоднократно опубликованы как в работах по истории русских знамен, так и в исследованиях по истории Сибири; ряд публикаций сопровождали некоторые ценные замечания. Впервые одно из знамен с изоб-

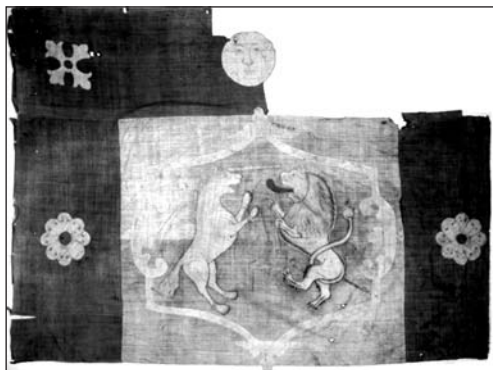


Рис. 3



Рис. 4

ражением льва и единорога было опубликовано еще в 1841 г. в первом томе издания «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», посвященного допетровскому времени, в разделе «Знамена» как знамя, хотя и не имеющее «значений времени», но «по соображениям» принадлежащее к XVII столетию⁵.

В 1865 г. в подготовленном помощником директора Оружейной палаты Л.П. Яковлевым труде «Русские старинные знамена» эти три знамени объединены в группу «Три знамени, бывшие с Ермаком Тимофеевичем при покорении Сибири в 1581–1582 г.»⁶, которая начинает раздел «Знамена, присланные из Сибири». Атрибуция соответствует приведенным автором документам поступления знамен в Оружейную палату в 1834 г. из Московского арсенала. Данная атрибуция и описания знамен были воспроизведены в 1884 г. в Описи Московской Оружейной палаты⁷, которая до настоящего времени является основным источником для исследователей. Эта атрибуция зафиксирована в современном музейном инвентаре.

Между тем, авторитетный специалист по геральдике, хранитель коллекций Оружейной палаты (в том числе – коллекции знамен) Ю.В. Арсеньев в опубликованном еще в 1908 г. труде отрицал данную атрибуцию, отмечая, что «знамена эти, без всякого основания, в Описи Оружейной палаты отнесены к XVI в. и значатся будто бы принадлежавшими Ермаку и его сподвижникам»⁸. Отмечая, что изображения на знаменах со львом и единорогом выполнены «в совершенно геральдическом стиле», он включил их в ряд русских знамен, отразивших «развитие геральдического вкуса»⁹. Рассматривая гербы как элемент истории культуры, Ю.В. Арсеньев считал, что «наша русская геральдика» появилась не раньше второй половины XVII в.¹⁰, и определял знамена как «два знамени XVII века *сибирских стрельцов*»¹¹.

Благодаря публикациям XIX в. знамена оставались в поле зрения исследователей. Как «знамена Ермака» они включались в обзорные издания по Оружейной палате и выставочные каталоги¹², в краткие обзоры истории русских знамен¹³. Публикаторов несомненно привлекали как живописная композиция, так и значимость геральдических изображений. Происхождение и символика единорога, встречавшегося наряду с двуглавым орлом и ездецом в русской государственной геральдике конца

XV–XVII вв. рассмотрена в работе ведущего специалиста по геральдике и знаменоведению Г.В. Вилинбахова. Исследователь, включив два знамени Оружейной палаты со львом и единорогом в ряд русских геральдических памятников, отметил неоднозначность атрибуции, поскольку в первой публикации одно из знамен было датировано XVII в.¹⁴

Личность Ермака и подвиг его сподвижников стали темой изучения и осмысления многих поколений исследователей, занимавшихся историей России. Начало присоединения Сибири к России длительное время остается одной из дискуссионных проблем отечественной истории. Спорность многих вопросов (датировка экспедиции Ермака, определение ее инициаторов, этапов похода «ермаковых казаков», хронологии первых экспедиций царских воевод за Урал) связана с противоречивостью основных источников, прежде всего ранних летописных повестей о «взятии» Сибири. В работах Р.Г. Скрынникова отмечалось отсутствие вещественных памятников экспедиции Ермака. Ссылаясь на Описание Оружейной палаты, историк обратился к группе из трех «знамен Ермака». Одно из знамен со львом и единорогом он определил как «самое древнее» (с красной каймой), «которое проделало с отрядом Ермака долгий путь», считая, что два других «сшиты были уже в XVII веке»¹⁵. В то же время исследователь указывал, что письменные источники к. XVII в. (Ремезовская летопись) сохранили сведения о казачьем знамени с ликом Спасителя¹⁶.

Считается также, что «самое известное из «Ермаковых знамен»» сохранялось как реликвия Сибирского казачьего войска и находилось до 1919 г. в Омске (дальнейшая судьба знамени неизвестна)¹⁷. На его лицевой стороне было помещено изображение образа Архангела Михаила грозных сил воеводы, а на оборотной – святой Дмитрий Солунский на коне, «поражающий копьём Мамая».

Кроме этого, в собрании Оружейной палаты хранится «знамя сибирское конца XVII века», которое «построено по образцу солдатских знамен» и «служило в одном из пограничных сибирских острогов, в конце XVII, или в начале XVIII века»¹⁸. Несмотря на это, в его описании имеется помета: *«это знамя приписывают онборским [обнорским. – М. Г.] стрельцам, а называется оно Ермаковым»*¹⁹.

Итак, к настоящему моменту существуют различные точки зрения на атрибуцию хранящихся в Музеях Московского Кремля «знамен Ермака». Памятники этой группы остаются неизученными, а вопросы их атрибуции – нерешенными.

Документы, немаловажные для изучения истории складывания атрибуции знамен, были обнаружены нами в документальном фонде ВИМАИВиВС. Они связаны с поступлением знамен в Московский арсенал и датированы 1826–1827 гг.

Необходимо отметить, что и в александровскую эпоху, и в 1820–1830-е гг. наблюдалось особое внимание к собиранию и изучению реликвий, связанных с российской историей²⁰. В октябре 1826 г. было издано распоряжение о составлении описаний «достопамятным» орудиям и предметам во всех арсеналах²¹. Это распоряжение генерал-фельдцейхмейстера Михаила Павловича предполагало, что составленные описания после утверждения будут напечатаны и переданы «для хранения при арсенале на случай востребования посетителями оных» (для этого нужно было составить описания «лучшим слогом, в ясной краткости» и переписать «на лучшей бумаге лучшим же почерком»)²².

К этому времени, в сентябре 1826 г., в Московский арсенал из Тобольска, как указывают документы – «не ожиданно»²³, доставили ряд «достопамятных» предметов. Командующий крепостным штатом и арсеналом 14-й артиллерийской бригады Московского артиллерийского гарнизона подполковник А.В. Карп (Карр) направил рапорт в Московское артиллерийское депо с вопросом о разрешении включить доставленные из Оренбургского артиллерийского гарнизона знамена и прочие «достопамятные вещи» в общую ведомость «редкостей» арсенала²⁴, но 13 ноября последовало предписание «немедленно представить» отдельную ведомость на эти предметы. В феврале 1827 г. подполковник А.В. Кар направил рапорт в Московское артиллерийское депо о том, что унтер-цейхвартером 10-го класса Белокопытовым подготовлена запрошенная ведомость, и интересовался, «не угодно ли приказать оные отправить в Петербург»²⁵.

Составленный в Московском арсенале документ повторял ведомость, направленную командиром Тобольского артиллерийского гарнизона 15 гарнизонной артиллерийской бригады подпоручиком Широковским вместе с присланными «достопамятными знаменами и значками»²⁶. Записи в ведомости краткие,

они лишь называют предметы. Под заголовком: «Знамена без древков ветхие» первым записано знамя, на котором имеется дата «1695 г.», затем зафиксированы два «портрета» «на китайке с обложенным по краям кумачом, бывшие при завоевании Сибири Ермаком Тимофеевичем в царствование царя Ивана Васильевича со знаками льва и единорога сражающимися 1532 года»²⁷; далее, после двух знамен с изображениями двуглавого орла (одно из них – с портретом Петра Великого) записано знамя «на голубой китайке с изображением с обеих сторон Архангела Михаила с Иисусом Навиным», а вслед за тем – «значки древних времен», знамена с датой «1710 года», знамена времени Екатерины I и Екатерины II, знамя егерского полка и др., и завершают список «кольчуга стальная с рукавами» и «шишак железный от долговременности от ржавчины в дырах»²⁸.

Таким образом, в документах поступления в Московский арсенал два изучаемых знамени расценивались как «портреты» (панно?) и отнесены к событиям истории Ермака с неверной датой. Они не составляли единую группу со знаменем с сюжетом явления Архангела Михаила Иисусу Навину.

Распоряжения отправить «достопамятные вещи» в Петербург (вероятно, в Достопамятный зал – ?) не последовало. Возможно, это было связано с актуализацией внимания к московским хранилищам древностей. Можно предположить, что совершившаяся 22 августа 1826 г. коронация императора Николая I, собравшая в древнюю столицу множество гостей, привлекла внимание к реликвиям, хранившимся в Кремле. К коронации было даже приурочено специальное издание П.П. Свиньина «Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Мастерской Оружейной палате», составленное «как руководство для посетителей Оружейной палаты вообще и в особенности для знаменитых иностранцев, кои соберутся в первопрестольную Российскую столицу»²⁹. «Славу и могущество Отечества» представляло и само здание Оружейной палаты, построенное в 1806–1810 гг.: его украшали скульптуры и барельефы, посвященные основным вехам российской истории. Программа и подбор персонажей были продуманы еще в 1808 г. историком, начальником Московского архива Коллегии иностранных дел, первым почетным членом Оружейной палаты А.Ф. Малиновским³⁰. Перед посетителями Кремля представляли герои Куликовской битвы монахи

Троице-Сергиевой лавры Пересвет и Ослябя, покоритель Сибири Ермак Тимофеевич, освободители Москвы от польско-литовских захватчиков Козьма Минин и Дмитрий Пожарский.

В 1826–1827 гг. собрание знамен Оружейной палаты пополнилось рядом раритетов. Они поступили «для хранения вместе с другими отечественными достопамятностями» по личным распоряжениям императора Николая I³¹. Майор А.А. Челищев поднес императору Николаю Павловичу хранившееся в роде Челищевых «знамя великого князя Дмитрия Донского, бывшее во время битвы с татарами на Куликовом поле» в 1380 г.³² В 1827 г. знамя было передано для хранения в Оружейную палату³³ и записано в 1835 г. в Опись музея первым в разделе знамен как самое древнее³⁴. В 1865 г. в издании «Русские старинные знамена» знамя было отнесено к числу воеводских знамен XVII в.³⁵ Л.П. Яковлев указывал, что «есть весьма много причин сомневаться в подлинности этого знамени». Аргументом для автора было в первую очередь то, что в известных ему описаниях Куликовской битвы знамя описано как «черное». Кроме этого, он считал, что «характер живописи этого знамени совершенно одинаков с характером живописи на знаменах конца XVII века, и даже начала XVIII века»³⁶.

Осенью 1826 г., когда стало известно о сохранении в храме села Пуреха знамени Д.М. Пожарского³⁷, по предложению императора Николая I, через министра императорского двора князя П.М. Волконского, начались переговоры с владелицей поместья М.А. Дмитриевой-Мамоновой о возможности передачи знамени в собрание Оружейной палаты³⁸, поскольку «там ему приличнее храниться со знаменем Дмитрия Донского, которое недавно туда поступило от г. Челищева»³⁹. «Знамя окольничего и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского 1612 г.»⁴⁰ поступило в собрание Оружейной палаты в 1827 г.; графине Николай I пожаловал бриллиантовый фермуар.

Любопытно, что пополнили собрание Оружейной палаты знамена тех прославленных героев русской истории, изображения которых были включены в программу оформления здания музея за 20 лет до этого.

Широкий размах получил интерес к старине в военном ведомстве. В 1830 г. по повелению императора Николая I началась работа над составлением описания обмундирования и во-

оружения русских вооруженных сил с древнейших времен. Для реконструкции древнего периода истории основными источниками стали памятники, хранившиеся в Московском Кремле и в Арсенале. При посещении Московского арсенала 29 сентября 1833 г. император Николай Павлович указал командиру Московского артиллерийского гарнизона полковнику Филиппову передать три знамени Ермака в Московскую Оружейную палату. Поступили в музей знамена через год, 30 сентября 1834 г.⁴¹ через дворцовое ведомство. В предписании обер-гофмейстера князя С.С. Гагарина на имя директора Оружейной палаты тайного советника, генерал-майора Ф.А. Ушакова от 3 октября 1834 г. было сказано, что все три знамени «были при завоевании Сибири с Ермаком Тимофеевичем в царствование царя Иоанна Васильевича в 1582 году»⁴² – так, как в предшествующей переписке были определены два «портрета» со львом и единорогом.

Третье знамя могло быть включено в группу по нескольким основаниям. Только это знамя в числе присланных из Тобольска было выполнено не из шелковой ткани (камки), а из «китайки» (холста). Кроме этого, ко времени передачи знамен в Оружейную палату там уже хранилось знамя с композицией «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину», которое было определено как знамя Д.М. Пожарского. В искусстве нарративные циклы Иисуса Навина известны еще со времен домонгольской Руси⁴³ и оставались актуальными позднее. Исследователи отмечают, что в христианском мировосприятии они приобретают новое значение, поскольку избранным народом теперь становятся все христиане, а образ Иисуса Навина проецируется на образ христианского правителя. В XIV или XV–XVI вв. эпизоды из книги Иисуса Навина появляются в стенописи Архангельского и Благовещенского соборов Московского Кремля, возможно в стенописи несохранившегося великокняжеского дворца. Сюжет, который представлял встречу двух военачальников – небесного и земного, двух предводителей воинства – нередко помещался на знаменах русского войска.

Датой начала похода Ермака считается 1 сентября – день памяти Иисуса Навина. Подвиг казаков произвел незабываемое впечатление уже на их современников, а сам Ермак вскоре стал одним из любимых героев народных сказаний, песен, былин. Уже в XVII в. в летописях была выработана определенная идео-

логическая концепция завоевания Сибири, которая содержала мысль о том, что Ермак был послан Богом освободить земли и победить хана Кучума. В результате победы были построены города и сооружены христианские храмы. Крупнейший русский историк начала XIX в. Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», рассматривая русскую историю XVI в. в контексте мировой истории той эпохи – эпохи великих географических открытий, сравнивал завоевание Сибири с завоеванием Мексики и Перу и называл Ермака «российским Пизарро»⁴⁴.

Изображение восстающих льва и единорога на знаменах соотносило их с хранящимися в Оружейной палате предметами первостепенной значимости: трон «Ивана Грозного», саадаком «Большого наряда» царя Михаила Федоровича 1627–1628 гг., а также с государственными печатями, на которых единорог помещали начиная со времени Ивана Грозного до царя Алексея Михайловича.

В 1835 г. записи о знаменах были внесены в Опись вещам Московской Оружейной палаты. Они по хронологии стали одними из самых ранних (после «знамени Дмитрия Донского»)⁴⁵.

Знамена Дмитрия Донского, Ермака, Дмитрия Пожарского заняли почетное место в экспозиции музея; их поместили в четвертый зал, посвященный подвигам российских воинов.

Подводя итоги, отметим, что атрибуция «знамен Ермака» из собрания Музеев Московского Кремля сложилась в XIX в. и связана с обстоятельствами их поступления в музей. Напоминающие предание сведения документов, присланных из Тобольского артиллерийского гарнизона вместе со знаменами, были приняты без должного критического анализа и не получили дополнительных обоснований. Не случайно в историографии неоднократно высказывали сомнения в датировке, а следовательно, в принадлежности знамен.

Выскажем некоторые наблюдения. Несмотря на указание ведомостей «без древков», к 1865 г. у каждого знамени было зафиксировано древко и навершие в форме железного копья⁴⁶. Вероятно, комплекты были составлены в Оружейной палате. В настоящее время древко и навершие числятся только у одного знамени (инв. № Зн-170/1-3).

Обращают на себя внимание особенности декоративного оформления полотнища знамени с композицией «Явление Ар-

хангела Михаила Иисусу Навину», на кайме которого располагается надпись и цветочный орнамент. Сохранившиеся в Оружейной палате знамена позволяют сделать наблюдение, что для знамен середины XVII в. с иконографическими изображениями типичным является надпись на кайме, текст которой связан с сюжетом; широкая орнаментальная кайма с крупными декоративными элементами характерна для знамен конца XVII в. Историки искусства указывают на эффектные пышные цветочные детали, которые могут появляться даже там, где они иногда противоречат смыслу изображенной сцены, как на отличительную черту XVII в.⁴⁷ Надпись также имеет особенности палеографии: несмотря на показатель вязи 4, штабированные буквы можно датировать XVII столетием (после 1587 г.)⁴⁸.

Несмотря на утраты и отметки в документах относительно сохранности полотнищ «ветхие», они сохранились достаточно хорошо. Между тем, город Тобольск, откуда поступили знамена, был основан только в 1587 г., а первый тобольский острог был выстроен из разобранных казачьих стругов. Пожары на протяжении XVII в. не раз уничтожали деревянные постройки Тобольска. Он стал столицей Сибири в XVII в., к концу которого был построен Тобольский кремль, единственный каменный кремль за Уральскими горами.

Наконец, следует отметить, что в исследовании Г.В. Вилинбахова «Русские знамена XVII века с изображением единорога» был опубликован ряд русских знамен со львом и единорогом или с единорогом, хранящихся в Государственном Эрмитаже, Музеях Московского Кремля и Музея Армии в Стокгольме. Все эти знамена связаны с событиями Северной войны и датируются концом XVII в.

В результате проведенного анализа историографии и источников, присоединяясь к высказанным в историографии мнениям, мы считаем, что «знамена Ермака» из собрания Музеев Московского Кремля должны быть отнесены к концу XVII в. Определение их принадлежности является отражением легенды о важнейших событиях русской истории. Судя по материалам и по упрощенности художественных приемов знамена можно рассматривать как произведения провинциальных мастеров.

Однако мы вынуждены отметить, что изучение «знамен Ермака» еще далеко от завершения. Продолжение исследования

может быть полезно как для истории русских знамен, так и для изучения более общих культурных процессов XVI–XVII вв.

¹ Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-280. Холст, чернила; ткачество, вшивная техника (интарсия), роспись. Размеры: 240х180 см.

² Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-170/1-3. Холст, крашенина, краска; ткачество, вшивная техника (интарсия), роспись. Размеры: 192х246 см. *Древко*: Россия, XIX в. (?). Дерево, грунт, краски; строгание, шлифовка. Дл. 210 см. *Навершие*: Россия, конец XVII в. ? Железо; ковка, просечка. Дл. 24 см.

³ Кайма полностью утрачена снизу, наполовину – вверху.

⁴ Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-171. Холст, краска; ткачество, вшивная техника (интарсия), роспись. Размеры: 220х200 см.

⁵ Историческое описание одежды и вооружения российских войск / Сост. А.В. Висковатов. Ч. 1. СПб., 1841. С. 168. Рис. 135. Знамя XVII столетия.

⁶ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства: Дополнение к III отделению. М., 1865. Ч. 2. С. 53. № 3696, 3697, 3698.

⁷ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 1. С. 78–80.

⁸ Арсеньев Ю.В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 304.

⁹ Там же.

¹⁰ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. С. 302.

¹¹ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. С. 304; Его же. О знаменах с геральдическими изображениями в русском войске XVII-го века. Смоленск, 1911. С. 5–6.

¹² Гордеев Н.В. Оружие // Оружейная палата. М., 1964. С. 67. Ил. на с. 68; Российские императоры и Оружейная палата: Каталог выставки. М., 2006. Кат. № 181.

¹³ Иванов К.А. Флаги государств мира. М., 1971. С. 37. Рис. на с. 38; Голованова М.П. Коллекция знамен Оружейной палаты // Гербовед. 1994. № 1-2 (5-6). С. 77–82; Лавренов В.И. Вексиллология. Тверь, 2000. С. 30; Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 304.

¹⁴ Вилинбахов Г.В. Русские знамена XVII века с изображением единорога // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. 1982. С. 22.

¹⁵ Напр., см.: Скрынников Р.Г. Ермак. М., 1992. С. 98.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л., 1982. С. 32; Его же. Ермак. С. 82.

¹⁷ Симкин М.П. Знамена как исторические памятники и музейные экспонаты // Труды НИИ Музееведения. Вып. X. М., 1963. С. 39; Шульдяков В. Знамя Ермака. Две тайны бесценной реликвии Сибирского казачьего войска // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. Книга 10. Тобольск, 2008. С. 151–158.

¹⁸ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 56. № 3704; Опись Московской Оружейной палаты. С. 82. № 4181.

¹⁹ См.: Голованова М.П. Документы архива ВИМАИВиВС по истории знамен собрания Оружейной палаты // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. 1. СПб., 2014. С. 380–381.

- ²⁰ Файбисович В. Трофей русского ампира. Оружие средневековой Руси в памятниках александровского классицизма // Наше наследие. 2002. № 61. С. 40–53.
- ²¹ Лебедевская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк. (1703–1917 гг.). СПб., 2008. С. 41.
- ²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. СПб Арсенал. Достопамятный зал. 1798–1867. Оп. 92/1. Д. 3. 1826 г. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 2 об.
- ²⁴ Там же. Л. 2–2 об.
- ²⁵ Там же. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 5.
- ²⁷ Эта дата повторена по ведомости, сопровождавшей предметы из Тобольского артиллерийского гарнизона. Вероятно при переписывании «китайку» заменили на «камку». В еще одной ведомости, присланной из Тобольского артиллерийского гарнизона командиром 15-й гарнизонной артиллерийской бригады Сибирского округа генерал-майором А.А. Брилем в марте 1827 г., указан даже 1523 г. (см.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 3. Л. 5, 7, 11).
- ²⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 3. Л. 5–5 об., 7–8, 11–11 об.
- ²⁹ Указатель главнейших достопамятностей, охраняющихся в мастерской Оружейной Палаты / сост. Почетным членом палаты, статским советником и кавалером Пав. Свинымым. СПб., 1826. С. 8.
- ³⁰ Чубинская В.Г. Светская живопись в Оружейной палате XIX века и ее роль в формировании программы дворцового музея // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Редкол.: Н.С. Владимирская (отв. редактор) и др. М., 2002. С. 61.
- ³¹ По правилам музейного статуса новые экспонаты поступали в музей только с «высочайшего разрешения» (см.: Смирнова Е.И. Оружейная палата. XIX в. // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Редкол.: Н.С. Владимирская (отв. редактор) и др. М., 2002. С. 31).
- ³² Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-175. Самым прославленным из рода Челищевых был Михаил Андреевич Бренко – воевода, оруженосец и двоюродный брат князя Дмитрия Донского, погибший на Куликовом поле переодетым в одежду и доспехи великого князя. Тело Михаила Бренко было найдено под грудой убитых воинов, разрубленное «в чело». Эпизод этот запечатлен в хрониках, летописях. Считается, что в память о героической гибели Михаила ближайшие родственники Бренко стали именовать себя Челищевыми.
- ³³ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Примечания. Примеч. 609; РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 188.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 3800. № 3957.
- ³⁵ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 38.
- ³⁶ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Примечания. Примеч. 609.
- ³⁷ Голованова М.П. Реликвии Российской истории из собрания Оружейной палаты Московского Кремля: Знамя Д.М. Пожарского // Гербовед. № 5 (83). 2005. С. 70–78.
- ³⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 243. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Л. 7.
- ⁴⁰ Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-235.
- ⁴¹ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 53–54; Опись 1884. С. 80.
- ⁴² Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 53; Опись 1884. С. 79.

⁴³ См.: Яковлева А.И. Икона «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину» конца – XII начала XIII вв. из Успенского собора Московского Кремля // Искусство христианского мира. Вып. 6. М., 2002. С. 28–39.

⁴⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 226, 228.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 3800. Ч. IV. С. 4.

⁴⁶ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 53.

⁴⁷ Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 243–244.

⁴⁸ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1999. С. 57–59.